

есть огромное в этом смысле преимущество — естественная жизнь на лоне природы, способствующая развитию чувств, а не только разума, в близком природном окружении и подчиняясь ее ритмам, в отличие от городской жизни.

С каким же духовным наследством прибывает Филарет в «училище любомудрия и словесности» — Афины? «Из *сельского своего пребывания* (курсив мой. — Л. Р.), в котором он был воспитан, Филарет к жертвеннику любомудрия принес незлобие, благонравие, кротость, навык человеколюбия и правила Христова Евангелия <...> Изустно же (отец его. — Л. Р.) наставлял его заповедям Христовым» (и далее перечисляются все «благенства») (I, 401). Полагаем важным, не выходя из границ нашей темы, указать индивидуальную окраску итогов усадебного воспитания в этом фрагменте биографии Филарета. Этот автобиографический момент был неизвестен нашим предшественникам, предыдущим исследователям творчества писателя, а потому и не отмечен ими. Не просто «изустно» наставлял будущего писателя его отец, а с помощью фресок, украшавших родовую радищевскую церковь в Аблязове. Значение этого факта нельзя недооценивать. Именно не чтение (постижение разумом), а рассматривание сюжетов с пояснениями отца (постижение чувствами) — вот что западало в душу мальчика до отъезда его в Москву и обучения грамоте или параллельно с чтением текстов по книгам. «Сердце во мне обыкло предварять рассудок», — замечает сам о себе Радищев (III, 356). И здесь было первоначальное познание сердцем, а не только разумом. Не случайно поэтому далее замечает писатель о Филарете, что начав усердно учиться, «коль много он удивился нашед, что все ему преподаваемое было уже для него не новое, что все, что другие называли понятие, в нем было то чувство, которое он почитал в себе врожденным <...> Именовали мне Бога, Творца, Вседержителя; я давно уже его ощущал в себе, и душа моя к нему прильпе» (I, 402).¹⁶

Наконец, обратимся к итогу такого воспитания, т. е. расцвету деятельности Филарета, как излагает его Радищев: «Распоряжая своим именем, Филарет купил многие села, земли, устроил сады и дом невеликолепной, но снабженной всем, что к нужде и спокойствию жития нашего потребно. Оставшиеся же деньги отдал в торг купцам тирским и александрийским <...> Плодоносные годы, *доброе хозяйство и рассматрительное земледелие* одаряли его обильнейшими жатвами. Честность, верность и щастие в торгу воздали ему сотичную мзду от употреблений капиталов...» (I, 410). (Курсив наш. — Л. Р.) Здесь нарисована все та же устроенная на основах разумной потребности усадебная жизнь, а не аскетизм, присущий жизни христианских праведников. Ведь житийный Филарет не расчетом приумножает богатства, чтобы отдать их нищим, а неразумно и нерасчетливо, вызывая даже упреки домашних, раздает все вплоть до последней одежды и меры зерна, которые ему самому дали как милостыню. Он разоря-

¹⁶ Вопрос о связи сюжетов фресковой росписи Преображенской церкви в Верхнем Аблязове с жизнью и творчеством писателя рассмотрен в нашей статье в сборнике «Живу в душе друзей моих», который готовит к печати Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области.